

АЗБУКА
БЕСТСЕЈЛЕР

Книги
Элиф Шафак

Сорок правил любви

Честь

Ученик архитектора

Три дочери Евы

10 минут 38 секунд
в этом странном мире

Стамбульский бастард

Остров пропавших
деревьев

Элиф
Шафак

УЧЕНИК АРХИТЕКТОРА

Роман

АЗБУКА

Санкт-Петербург

*Посвящается всем ученикам на свете.
Кто бы мог подумать, что сложнее всего —
научиться любить*

С первого взгляда тебя полюбила
Я силою тысяч сердец.
И пусть утверждают ханжи и святоши,
Будто любить — это грех.
Мне все равно, ну и пусть,
Я готова сгореть в его адском огне...

*Михри-хатун,
турецкая поэтесса XV–XVI веков*

Я обыскала весь мир, но не нашла ничего,
Что любви моей было б достойно,
И потому прогоняют родные меня —
Я чужая среди них...

Мирабай, индийская поэтесса XVI века

Из всех людей, сотворенных Богом и увлекаемых на гибельный путь шайтаном, лишь немногие проникают в центр Мироздания — туда, где не существует добра и зла, прошлого и будущего, где утрачивают смысл слова «я» и «ты». Там не бывает войн, ибо для них не имеется причин. Там царит покой, бескрайний и вечный, как море. Тех, кто попадает туда, настолько потрясает открывшаяся им красота, что они утрачивают способность говорить.

Ангелы, сжалившись над этими людьми, предлагают им выбор. Если человек хочет вернуть себе дар речи, он должен забыть то, что видел, и смириться с чувством утраты, которое навсегда завладеет его сердцем. Но если он не в силах отказаться от воспоминаний о красоте, его одурманенный рассудок уже никогда не сможет отличать реальность от миража. Всякий, кто принадлежит к малой горстке избранных, которые сумели попасть в таинственное место, не обозначенное ни на одной карте мира, расплачивается за это либо чувством неизбывной и невыразимой тоски, либо тщетными поисками ответов на целое сонмище вопросов. Те, кто тоскует по утраченному совершенству, обречены служить любви. Те, кто жаждет знаний, обречены служить науке.

Эту притчу учитель Синан часто повторял нам, четверым своим ученикам. При этом он склонял голову набок и смотрел на нас так пристально, словно пытался проникнуть взглядом в наши души. Я сознавал, что одержим тщеславием, которое отнюдь не пристало простолюдину вроде меня. Но всякий раз, когда учитель начинал говорить, мне казалось, что он прежде всего обращается ко мне, а потом уже — ко

всем остальным. Его взгляд задерживался на моем лице, словно он чего-то ждал от меня. Я неизменно отводил глаза, боясь разочаровать Синана, опасаясь, что не сумею оправдать его ожиданий, хотя никогда так и не сумел понять, в чем же именно эти ожидания заключались. Хотел бы я знать, что учитель видел в моих глазах. Может, предчувствовал, что, несмотря на стремление к знаниям, в котором я превосходил многих, его ученик все-таки не сумеет избежать несчастной любви и окажется в ее власти?

Я был бы счастлив, если бы, оглядываясь на пройденный путь, имел право сказать, что обрел знания о любви, равные моей любви к знаниям. Но это будет ложь, а тот, кто лжет сегодня, завтра может оказаться в кипящих котлах ада. Теперь, когда я стар, словно засохший дуб, я явственно ощущаю, что завтрашний день уже стоит на моем пороге, и никто не убедит меня в обратном.

Нас было шестеро: учитель, четверо учеников и белый слон. Мы всегда работали вместе. Возводили мечети, мосты, медресе, караван-сарай, приюты для бедных, акведуки... Это было так давно, что моя память сглаживает острые углы, расплавляя воспоминания в жидкую боль. Всякий раз, когда я возвращаюсь в те дни, в сознании моем всплывают призраки, казалось бы навсегда утопленные в пучине памяти. Меня мучает чувство стыда, ибо я не помню их лиц, и я пытаюсь утопить эти призраки вновь. Однако я помню обещания, которые мы давали друг другу, но так и не исполнили. Я помню слова, которые мы проносили при этом, все до единого. Удивительно, что лица, эта плотная и видимая субстанция, растворились в небытии, тогда как слова, эфемерные и неосязаемые, остались.

Все мои прежние спутники, один за другим, уже покинули этот мир. Почему из всех нас лишь я один дожил до столь преклонных лет, известно только Богу. Каждый день я мысленно возвращаюсь в Стамбул.

УЧЕНИК АРХИТЕКТОРА

Представляю, как верующие входят во дворы построенных нами мечетей. Эти люди ничего не знают о нас, ровным счетом ничего. Наверное, они считают, что мечети, в которых они молятся, стоят здесь со времен Великого потопа. Но это не так. Их возвели мы: мусульмане и христиане, ремесленники и галерные рабы, люди и животные. Нам потребовалось много дней, чтобы их построить. Но Стамбул — это город с короткой памятью. Город, где воспоминания исчезают так быстро, словно они записаны на прибрежном песке. Лишь созданиям моего учителя уготована иная участь, ведь он творил из камня.

Под одним из камней я похоронил свою тайну. Мое время на исходе, но тайна по-прежнему ждет своего часа. Интересно, будет ли она когда-нибудь раскрыта? А если она станет известна людям, то сумеют ли они понять ее? Сие не ведомо никому. Но я знаю наверняка: в основании одного из сотен зданий, возведенных моим учителем, скрывается центр Мироздания.

Агра, Индия, 1632 год

Стамбул, 22 декабря 1574 года

Уже перевалило за полночь, когда из темноты вдруг донесся яростный рык. Он сразу понял, кто это: проснулась самая большая кошка во дворце султана — каспийский тигр, огромный зверь с янтарными глазами и золотистой шкурой.

«Кто же посмел нарушить покой тигра? — с недоумением подумал он. — В столь поздний час все должны спать: люди, животные, джинны. В этом городе, раскинувшемся на семи холмах, помимо стражников ночного дозора, сейчас бодрствуют только два ряда людей: предающиеся молитве и предающиеся греху».

Впрочем, сам Джахан тоже не спал — он работал.

— Для таких, как мы, труд подобен молитве, — частенько говаривал его учитель. — Работая, мы беседуем с Богом.

— Но почему же Он не отвечает нам? — спросил Джахан как-то раз, когда был еще совсем юным.

— Господь отвечает. Его ответ — новая работа, которую Он посылает нам, — пояснил наставник.

Коли так, рассудил тогда Джахан, ему самому удалось достичь весьма прочной связи с Всевышним: ведь у него было не одно, а целых два занятия (пусть и совершенно не схожих между собой), и, стало быть, работать ему тоже приходилось в два раза больше: он трудился как погонщик слона и как рисовальщик на строительстве. И вообще, ему несказанно повезло, ибо в его жизни был учитель, которому Джахан платил дань уважения и восхищения. Учитель, которого он втайне мечтал превзойти. Звали этого человека

Синан, он занимал должность главного придворного строителя и был воистину великим архитектором.

У Синана имелось великое множество помощников и последователей, сотни человек мечтали научиться у него мастерству. Тем не менее лишь четверых на всем белом свете он называл своими учениками. Джахан был горд тем, что принадлежит к их числу, очень горд, но в глубине души порой ощущал нечто вроде смущения. Много лет тому назад учитель сам выбрал его — простого парнишку, занимающего более чем скромное положение погонщика слона. Предпочел его, хотя школу Синана, расположенную при дворце султана, посещало немало одаренных молодых людей. Высокая честь, оказанная учителем, не только льстила самолюбию Джахана, но и наполняла его сердце тревогой. Вот уже который год его преследовал страх разочаровать единственного человека на свете, который в него поверил, и избавиться от этого страха было выше его сил.

Последним заданием, которое получил Джахан, было сделать проект хаммама — турецкой бани. Учитель, по обыкновению, дал ему ясные и четкие указания: огромная мраморная купальня, подогреваемая снизу; дымоходы, скрытые в стенах; высокий купол, опирающийся на мощные колонны; две двери, ведущие на разные улицы, дабы мужчины и женщины не встречались друг с другом. В ту зловещую ночь Джахан работал над чертежами, сидя за грубо сколоченным столом в своей каморке, которая прилегалась к придворному зверинцу.

Откинувшись назад и сдвинув брови, Джахан принялся рассматривать свой чертеж. Сделано топорно, без всякой гармонии и изящества, решил он. Как всегда, самым трудным для него оказался купол. Джахану перевалило за сорок — в этом возрасте Мухаммед уже стал пророком, — и он достиг немалого мастерства. Однако был по-прежнему убежден, что вырыть котлован под фундамент голыми руками намного про-

ще, чем рассчитать высоту потолков и толщину перекрытий. О, если бы только можно было обойтись без балок и крыш, если бы люди могли жить в домах, где крышей служит небо, самим смотреть на звезды и позволять звездам смотреть на них!

Расстроенный и недовольный собой, Джахан принялся за новый чертеж — бумагу он украдкой таскал у дворцовых писцов, — когда до него вновь донесся рев тигра. словно пронзенный этим грозным звуком насквозь, Джахан замер, прислушиваясь. То был предупреждающий рык, от которого кровь стыла в жилах. Зверь давал врагу понять, что приближаться не стоит.

Джахан тихонько приоткрыл дверь и встал на пороге, вглядываясь во тьму. В тишине вновь раздался звериный рык, не такой громкий, как раньше, но по-прежнему угрожающий. Все прочие обитатели зверинца тоже пришли в возбуждение: затрещал попугай, затрубил носорог, сердито заворчал медведь. Рыку льва вторило злобное шипение леопарда. Кролики безостановочно барабанили по земле лапками — верный признак того, что они напуганы. Обезьян в зверинце было всего пять, но можно было подумать, что их целая стая — такую они подняли возню и визг. Лошади ржали и били копытами в своих стойлах. В этой какофонии звуков Джахан различил рев слона: короткий, какой-то вялый, словно гиганту не хотелось участвовать во всеобщей суматохе. Так или иначе, необходимо было выяснить, что встревожило животных. Джахан накинул плащ, взял масляный светильник и вышел во двор.

Свежий прохладный воздух был пронизан пьянящим ароматом зимних цветов и диких трав. Едва сделав пару шагов, Джахан увидел нескольких работников зверинца: сгрудившись под деревом, они испуганно перешептывались. Заметив Джахана, все выжидающе уставились на него. Но тот не мог ничего объяснить своим товарищам, а лишь сам задал вопрос:

— Что происходит?

— Звери чем-то сильно испуганы, — ответил Дара, работник, который ухаживал за жирафом. В голове его звучало беспокойство.

— Наверное, поблизости бродит волк, — предположил Джахан.

Прежде такое уже случалось. Два года назад зима выдалась настолько холодной, что волки забегали в город и бродили по улицам, не делая различий между еврейскими, мусульманскими и христианскими кварталами. Нескольким волкам неведомо как удалось пробраться за ограду султанского дворца. Оголодавшие хищники набросились на уток, лебедей и павлинов, гулявших по двору, и разорвали в клочья нескольких птиц. Потом слугам еще долго приходилось убирать окровавленные перья, валявшиеся на земле и висевшие на ветках кустов и деревьев. Теперь тоже стояла зима, но спокойная и мягкая — ни снега, ни холодов. И причина иступления, в которое пришли обитатели зверинца, скорее всего, скрывалась во дворце.

— Надо проверить все закоулки, — сказал Олев, укротитель львов, здоровенный детина с огненно-рыжими волосами и усами такого же оттенка.

Решительный и смелый, Олев не боялся брать на себя ответственность и всегда знал, как поступить. Авторитет его среди прочих слуг был непререкаемым. Да что там слуги, сам султан поневоле испытывал восхищение человеком, который умел повелевать львами.

Разойдясь в разные стороны, работники зверинца принялись осматривать загоны, стойла и клетки, проверяя, не убежал ли кто-нибудь из их подопечных. Но все животные были на месте: львы и обезьяны, гиены и рыси, олени и газели, лисы и горностаи, горные козлы и дикие кошки, гигантские черепахи и крокодилы, страусы и гуси, ящерицы и змеи, кролики и дикобразы, а также леопард, зебра, жираф, тигр и слон.

Подойдя к загону, где жил Чота — тридцатипятилетний азиатский слон-самец необычного белого

окраса, шести локтей ростом, — Джахан обнаружил, что его питомец беспокойно переминается с ноги на ногу. Огромные уши слона были настороженно наставлены по ветру, словно паруса.

Погонщик улыбнулся гиганту, чьи привычки знал как свои собственные:

— Что случилось, Чота? Ты чувствуешь опасность?

Джахан успокоительно похлопал слона по боку и протянул ему горсть миндальных орехов, которые всегда носил в сумке.

Чота никогда не отказывался от угощения. И сейчас он, не сводя взгляда с ворот, сгреб орехи хоботом и ловко забросил их в пасть. Проглотил и снова замер, упершись в землю своими чувствительными подошвами и насторожив огромные уши.

— Не волнуйся, все хорошо, — попытался успокоить своего любимца Джахан.

Он сам не верил в то, что говорил. И слон не верил тоже.

Вернувшись назад, погонщик увидел Олева, который убеждал остальных работников зверинца успокоиться и разойтись.

— Мы же всё осмотрели! Никаких причин для беспокойства нет: все звери на месте, клетки целы!

— Но животные волнуются... — возразил кто-то.

Олев указал на Джахана:

— Индус прав. Наверное, поблизости бродил волк. А может, шакал. Так или иначе, сейчас хищник ушел. Волноваться не о чем. Идем спать.

На этот раз никто не стал возражать. Покачивая головой и что-то бормоча, люди разбрелись по своим каморкам, где их ждали соломенные тюфяки. Эти жесткие, колючие лежа, полные блох и вшей, казались работникам зверинца теплыми и уютными, ведь ничего лучшего они не знали. Лишь Джахан замешкался во дворе.

— Эй, погонщик слона, а ты почему не идешь спать? — окликнул его Като, смотревший за крокодилами.

— Погожу маленько, — ответил Джахан, устремив взгляд в сторону внутреннего двора. Он только что уловил странный приглушенный звук, долетевший оттуда.

Вместо того чтобы свернуть налево, к сараю, сложенному из камней и бревен, Джахан двинулся вправо, к высокой стене, разделявшей двор надвое. Он шел медленно и осторожно, словно раздумывая, не стоит ли ему вернуться в каморку, к своим чертежам и рисункам. Дойдя до куста сирени, который рос в дальнем конце двора, он различил какую-то тень. Смутная и колеблющаяся, тень эта настолько напоминала призрак, что Джахан уже готов был броситься наутек. Но тут призрак повернулся к нему лицом, и Джахан увидел, что это Тарас Сибиряк. Тарас, человек, который за свою долгую жизнь, казалось, перенес все мыслимые недуги и несчастья, служил в зверинце дольше всех прочих. На его веку сменилось несколько султанов. Он видел, как вельможи, обладающие силой и властью, низвергаются в пучину унижений. Видел, как головы, увенчанные роскошными тюрбанами, валяются в грязи.

— Лишь две вещи в этой жизни остаются неизменными и постоянными, — шутили работники, — Тарас Сибиряк и несчастная любовь. Все остальное преходяще...

— Это ты, индус? — спросил Тарас. — Животные проснулись, да?

— Да, — откликнулся Джахан. — Ты слышал шум?

Старик издал какое-то бурчание, которое с одинаковым успехом можно было расценить и как утвердительный, и как отрицательный ответ.

— Шум доносился из-за стены, — настаивал Джахан.

Вытянув шею, он пристально смотрел на стену, возвышавшуюся перед ним, сплошную и высокую, цвета оникса. В эту минуту ему почудилось, что в ноч-

ном сумраке скрываются духи, испускающие жалобные стоны. Он даже слегка вздрогнул.

Внезапно воздух задрожал от грохота, за которым последовал топот множества ног, словно бежала огромная толпа. Из глубин дворца долетел женский крик, такой пронзительный, что казался нечеловеческим. Оборвавшись, крик сменился рыданиями. А потом, так же внезапно, воцарилась тишина. Повинуясь порыву, Джахан сделал движение в сторону стены.

— Эй, ты куда? — прошептал Тарас. Глаза его поблескивали от страха. — Это же запрещено.

— Я хочу узнать, что происходит, — пояснил Джахан.

— Не высовывайся, — отрезал старик.

Джахан на мгновение замешкался.

— Я погляжу, что там творится, и сразу вернусь, — решил он.

— Любопытство до добра не доводит, — вздохнул старик. — Но ты, как я вижу, глух к доводам разума. По крайней мере, не уходи далеко. Оставайся в саду, у самой стены. Понял?

— Не переживай, Тарас. Я буду осторожен и незаметен, как ночная птица.

— Я тебя подожду. Не стану ложиться, пока ты не вернешься. Расскажешь, что видел.

— Любопытство до добра не доводит. Но ты, как я вижу, глух к доводам разума, — ухмыльнулся Джахан.

Не так давно Джахан вместе с учителем работал над перестройкой дворцовой кухни. Они расширили также покои, занимаемые султанским гаремом. То была насущная необходимость, так как число его обитательниц за последние годы изрядно выросло. Строителям запрещалось пользоваться главными воротами, и они проделали в стене отверстие, через которое попадали во дворец кратчайшим путем. Закончив работы, они заделали лаз необожженными кирпичами, скрепив их глиной.